

История СССР за рубежом

О ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

Г. З. ИОФФЕ

Русские революции 1917 г. изучаются буржуазными историками, как правило, в комплексе. Оценка Февраля увязывается и согласовывается с характеристикой Октября. Невозможно, однако, рассмотреть в одной статье не только всю совокупность того, что написано на Западе о 1917 годе, но и полный круг вопросов, относящихся собственно к Февралю. Цель данной статьи — проследить, как в течение полувека складывались некоторые основные положения современной буржуазной историографии Февраля: концепция возможности развития России по буржуазно-демократическому пути, если бы не первая мировая война и «ошибки» царизма; тезисы о «самопроизвольном» падении монархии и «единодушии» всех классов в борьбе с царизмом; изображение Февральской революции пределом желаний русского народа и противопоставление ее Октябрьской. Изучение буржуазными историками такого важнейшего аспекта истории Февраля, как роль большевиков и В. И. Ленина, уже служило объектом критического рассмотрения¹.

Знакомство с англо-американской историографией Февральской революции показывает, что, она, как и буржуазная историография Октября, до сих пор в своих выводах и оценках в значительной степени основывается на идейном багаже русских буржуазных и мелкобуржуазных партий, сложившемся отчасти в десятилетие, непосредственно предшествовавшее краху царизма, а в значительно большей мере — в период с февраля по октябрь 1917 г. (в политической пропаганде Временного правительства), и, наконец, во время гражданской войны и в последующие годы, когда русская контрреволюция вынуждена была эмигрировать.

1. «МИРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ» ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ?

Чем было вызвано крушение русского царизма, и было ли оно неизбежным? Эти вопросы составляют одну из важнейших проблем англо-американской буржуазной историографии революций 1917 г. в России. Частично они затронуты в статье в «Исторических записках». Здесь содержится попытка проследить формирование версий о причинах Февральской революции на протяжении почти полувека.

По справедливому замечанию американского историка М. Ловенштейна, литература о Февральской революции появилась «едва ли не

¹ Г. З. Иоффе. Англо-американская буржуазная историография о Февральской революции в России. «Исторические записки», № 78, (1965 г.).

раньше, чем та успела завершиться»². Действительно, первые брошюры и книги о Феврале вышли уже в 1917 г. Как правило, они были написаны журналистами или членами различных союзнических миссий, находившимися в России еще до революции или прибывшими сюда сразу после нее. На них сказалось прямое влияние официальной пропаганды, распространявшейся в России и за ее рубежами Временным правительством. Как писал впоследствии в своих воспоминаниях И. Церетели, «буржуазия, не связанная никаким договором с Советом, подняла в прессе кампанию, смысл которой сводился к следующему: основная причина революции — недовольство народа царским правительством за недостаточно энергичное ведение войны, новая власть призвана продолжать войну во имя прежних целей с удвоенной энергией до разгрома врага. Новый министр иностранных дел Милюков делал официальные заявления в этом смысле и вдохновлял кампанию прессы»³. Эта, по словам американского историка К. Лэша, «антигерманская, провоенная теория революции» получила в первых работах (брошюрах и книгах) о Февральской революции, изданных в Англии и США, почти всеобщее распространение⁴. В ряде книг она дополнялась и развивалась другой «теорией», в соответствии с которой февральские события были якобы сознательно вызваны охранкой во главе с Протопоповым, стремившимся использовать их как предлог для заключения сепаратного мира. В качестве примеров можно назвать брошюру Х. Ланге, книги И. Маркусона, С. Джонса, И. Левина и др.⁵ Так, по мнению Ланге, революция стала неизбежной из-за «широко известной неспособности администрации справиться с проблемами войны». К тому же, к своим промахам и ошибкам, как пишет Ланге, правительство «добавляло открытую провокацию»⁶. Решительным сторонником тезиса о «провокационном происхождении» Февраля выступил Джонс. Народ, пишет он, хотел организовать лишь «мирные процессии» для того, чтобы привлечь внимание властей «к ужасным условиям, в которых он находился», но правительство решило «организовать резню», а затем заключить сепаратный мир⁷.

Скажем сразу, «антигерманская, провоенная теория» Февральской революции продержалась в английской и американской исторической литературе недолго. Очень скоро она была опровергнута самой жизнью, стремительным развитием событий в России. Английские и американские историки вынуждены были впоследствии признать, что освещение причин февральского переворота в тогдашней буржуазной и правосоциалистической литературе имело весьма мало общего с истинным положением дел в России⁸.

После 1918 г. в течение длительного времени в Англии и США не выходили работы, специально посвященные Февральской революции. В центре внимания буржуазных авторов оказалась Великая Октябрь-

² M. Lovenstein. *American Opinion of Soviet Russia*, Wash., 1941, p. 34.

³ И. Г. Церетели. *Воспоминания о Февральской революции*, кн. I, Париж, 1963, стр. 29.

⁴ C. Lash. *The American Liberals and the Russian Revolution*, N. Y.—L., 1962, p. 28.

⁵ Ch. L. Lange. *Russia, the Revolution and the War. An account of a visit to Petrograd and Helsingfors in March 1917*, Wash., 1917; I. Marcusson. *Rebirth of Russia*, N. Y., 1917; S. Jones. *Russia in Revolution*, London, 1917; I. Levine. *The Russian Revolution*, N. Y., 1917.

⁶ Ch. L. Lange. *Op. cit.*, p. 10.

⁷ S. Jones. *Op. cit.*, p. 79. Особняком в этих первых работах о Февральской революции стоит книга М. Ольгина, эмигрировавшего из России еще после революции 1905—1907 гг. В ней содержится характеристика экономического развития России, показаны рабочее и крестьянское движение, рост либерально-буржуазной оппозиции. Автор приходит к заключению, что «интересы экономического развития были общей причиной русской революции» (M. Olgin. *The Soul of Russian Revolution*, N. Y., 1917, p. 44).

⁸ M. Lovenstein. *Op. cit.*, p. 50; R. H. Ullman. *Anglo-Soviet Relations 1917—1921*, vol. I. N. Y.—L., 1961, p. X; L. Strakhovsky. *American Opinion about Russia. 1917—1920*, Toronto, 1961, pp. XII, 121.

ская социалистическая революция. Что касается Февраля, то ему отводили одну или несколько глав по-прежнему описательно-публицистического характера. Но теперь к зарубежным свидетелям и очевидцам событий в России присоединились русские эмигранты. И характерной особенностью англо-американской буржуазной историографии русских революций 1917 г. стало то, что она формировалась и развивалась под непосредственным влиянием эмигрантской, преимущественно кадетской и меньшевистской историографии и мемуаристики.

Большинство мемуаров, написанных «бывшими», вышло за рубежом, в том числе в Англии и США, в 20-е—30-е годы. М. Карпович, который в 1930 г. составил библиографический обзор литературы о событиях 1917 г., подчеркивал, что авторы мемуаров «подходят к революции с точки зрения своих политических верований и взглядов»⁹. Монархисты вину за революцию возлагали на либералов, и, в частности, на Государственную думу, а буржуазные либералы и «социалисты» типа Керенского утверждали, что царизм сам навлек на себя беду необдуманной, «глупой» политикой. К этому мнению склонялось также большинство иностранцев (главным образом, как уже говорилось, дипломатические представители союзных держав). Поскольку эта точка зрения была ближе и понятнее американской и английской буржуазной историографии, именно она стала внедряться в трудах английских и американских авторов. Так, еще в 1918 г. в статье, опубликованной в книге «Русская революция», Ф. Голдер писал: «Его (царя.— Г. И.) предупреждали, ему давали шансы, но он злоупотребил всем», отдав государственные дела «истеричной царице», «неуравновешенному Протопопову» и «грязному, невежественному крестьянину Распутину»¹⁰.

Многие из исторических и историко-публицистических работ о русской революции, вышедшие в 20-х годах как в Англии, так и в США, получили оценку в нашей литературе¹¹. Мы вкратце остановимся лишь на тех, в которых содержится наиболее значительный материал о Феврале.

В книге профессора политической экономии Дж. Мэйвора «Русская революция», явившейся продолжением другой его работы — «Экономической истории России», изданной впервые в 1914 г., а затем в переработанном виде в 1925 г., довольно много места уделено анализу состояния русской экономики и положения различных классов накануне революции. Однако Мэйвор считает, что в основе крушения царизма лежали чисто политические причины субъективного свойства. Если бы, утверждает он, царские министры «всегда тщательно выбирались, если бы они в большинстве своем были способными и честными, и если бы гражданские и военные власти России приближались к стандарту Центральной и Западной Европы, личная власть царя могла бы сохраниться, но это стало невозможным просто потому, что ни одно из этих условий не существовало. Царизм пал не потому, что сильны были революционные партии, не потому, что деспотизм — это анахронизм, но потому, что деспот без сомнения был слабым»¹².

Свою концепцию фатальной обреченности династии Романовых выдвинул католический священник Э. Уолш, возглавлявший католическую миссию помощи голодающим в России в 1922—1924 гг. Эта обреченность, по мнению Уолша, в полной мере проявилась «в здоровье единственного сына» последнего императора. «В личности этого болезненно

⁹ М. Karpovich. The Russian Revolution of 1917. «The Journal of Modern History», 1930, vol. 2, N 2, p. 278.

¹⁰ A. Petrunkevitch, S. Harper, F. A. Golder. The Russian Revolution, Cambridge, Mass., 1918, p. 60.

¹¹ См. ст. И. И. Минца, Б. Е. Штейна и М. М. Карлинера в сб. «Зарубежная литература об Октябрьской революции», М., 1961.

¹² J. Mavor. Russian Revolution, London, 1928, p. 27.

го, обаятельного, но избалованного и непомерно любимого ребенка,— пишет Уолш,— вы найдете понимание царицы, причину для появления Распутина, ключ к отречению в пользу Михаила...» и т. д., и т. п.¹³, словом, причину всех причин.

Вряд ли нужно доказывать, что концепции, подобные данной, ставили под сомнение компетентность их авторов в истории. Лишь в конце 20-х — начале 30-х годов в Англии и в США начали появляться работы, в которых процесс краха русского царизма подвергся более широкому исследованию. К субъективному фактору, вызвавшему революцию («самоубийственная политика» царизма), все чаще стали прибавлять объективный — «бремя войны».

К началу 30-х годов в Англии и в США было завершено издание так называемой «Русской серии» («Russian Series») — монографических исследований экономики России периода первой мировой войны. В этой серии вышла книга М. Флоринского «Конец русской империи». Признавая, что царскому режиму были присущи «недостатки» и «ужасные злоупотребления», Флоринский доказывал, что необходимо было лишь время (эволюция, а не революция!) для того, чтобы царская Россия встала в один ряд с передовыми демократическими странами. Но Флоринский не соглашался с теми авторами, которые утверждали, что «для объяснения революции следует прежде всего и главным образом рассматривать политические силы». «Крушение русского государства,— писал он,— было результатом многих факторов», которые, впрочем, досконально и точно определить невозможно¹⁴. «Кто,— восклицал Флоринский,— возьмет на себя смелость определить тот фактор, который сыграл главную роль в наступлении революции? Была ли это глупость царя? гнилость правительства? военные потери? вековые обиды крестьян? голод в городах? жертвы, понесенные в войне? Мы не можем ответить на эти вопросы, точно так же, как невозможно определить, когда разразится шторм, какой из потоков, впадающих в реку, ответствен за сокрушение дамбы и затопление деревни, лежащей внизу, или какой ком снега породил лавину, похоронившую на своем смертоносном пути пастбища тружеников-горцев...»¹⁵. Вряд ли в зарубежной литературе можно встретить более красноречивое признание неспособности буржуазной исторической науки объяснить подлинные причины революционного переворота, совершившегося в России в феврале 1917 г.

Растерянное недоумение Флоринского, однако, отнюдь не подтолкнуло буржуазных историков на решительный поиск причин революции в объективной сфере. То и дело, сделав робкий шаг вперед (каковым явилось включение войны в список обусловивших крах царизма факторов), они возвращались назад, к привычным канонам, предписывавшим искать «корень зла» в несчастливых стечениях обстоятельств и личных свойствах «сильных мира сего». Следы этого слепого эклектизма и теоретической беспомощности несет на себе широко известная книга М. Карповича «Царская Россия 1801—1917 гг.»¹⁶. Другой русский эмигрант Г. Вернадский писал, что Россия избежала бы революции при «одном условии, а именно: если бы царское правительство осталось в стороне от международных осложнений». «Большое несчастье,— продолжал Вернадский,—...состояло в том, что во время европейского кризиса 1914 г., Витте не было у власти, а Столыпин был мертв»¹⁷.

¹³ E. A. Walsh. The Fall of the Russian Empire, Boston, 1928, p. 142. О «слабовольном» Николае и «фатальном» Распутине, как «виновниках» революции, на Западе писалось и пишется поныне очень много. Мы не рассматриваем здесь эту версию; подробнее см. «Исторические записки», № 78, стр. 10—11.

¹⁴ M. Florinsky. The End of the Russian Empire, New Haven, 1931, p. 49.

¹⁵ Ibid., pp. 255—256.

¹⁶ M. Karovich. The Imperial Russia 1801—1917, N. Y., 1932, pp. 93, 95.

¹⁷ G. Vernadsky. The Russian Revolution 1917—1921, N. Y., 1932, p. 26.

Крупнейшей работой довоенного периода, специально посвященной истории крушения царизма в России, была книга патриарха английской русистики Б. Пейрса «Падение русской монархии», с точки зрения которого Февральская революция явилась следствием политического и морального развала царизма, а не причиной, непосредственно вызвавшей его крушение¹⁸. Эта книга вызвала широкий отклик на Западе. В связи с ее выходом на страницах английского журнала «The Slavonic and East European Review», с большой статьей выступил один из бывших руководителей кадетской партии (точнее, ее правого крыла) В. Маклаков¹⁹. Основную причину крушения монархии он усмотрел в «излишней революционности» кадетской партии, стремившейся сразу ввести в России «полную демократическую систему» и не сумевшей поэтому стать «мостом» между правительством и обществом. Если бы кадеты были настоящими либералами «английского типа», писал Маклаков, они должны были искать компромисса с «традиционной властью» и постепенно добиваться введения конституционного режима.

Конец второй мировой войны положил начало новому этапу в изучении истории СССР за рубежом и особенно в США. В университетах одна за другой создавались кафедры славистики и русистике, возникали специальные исследовательские центры, русская тематика стала «модной». Причины столь резкого роста интереса к нашей стране понятны, и мы не будем останавливаться на них. Укажем лишь, что на этот интерес наложили неизбежный и мрачный отпечаток веяния «холодной войны», особенно сильные в период конца 40-х — начала 50-х годов. Так родились книги Мурхеда, Фейнсода и других ярких антисоветчиков, возникла целая отрасль буржуазного советоведения — «кремлюнология».

Надо, однако, отметить, что количественный рост «русских исследований» в известной степени привел к более широкому рассмотрению вопроса о причинах крушения царизма. Так, в вышедшей в 1952 г. книге «Закат императорской России» английский историк Х. Сетон-Уотсон, повторяя старую версию о том, что «возможно, все могло быть еще спасено», если бы царизм использовал предоставленные ему в 1905—1914 гг. «последние шансы», писал также, что корни «обреченности» русской империи лежали в «незавершенности реформ» 1861 и 1905—1906 гг.²⁰.

Значительно дальше и решительнее отошел от традиционной концепции Р. Уорт в книге «Союзники и русская революция»: «Как убийство наследника австрийского престола в Сараево было только непосредственной, а не основной причиной войны, так и революция имела свое начало задолго до истощения царской династии в 1917 г., послужившего поводом для ее падения и последовавшей победы большевизма. Сокрушительная мощь германской армии обнаружила гнилость социальной структуры, на которой покоился старый режим и ускорила неизбежный приход его смерти»²¹. Не соглашался Уорт и с тем широко распространенным в англо-американской буржуазной историографии мнением, в соответствии с которым революция была бы предупреждена, если бы царь внимал советам и предупреждениям либеральной оппозиции и союзных классов. «Такое мнение, — пишет Уорт, — основано скорее на... наивной концепции исторической причинности, чем на понимании русской действительности»²².

¹⁸ B. Pares. The Fall of the Russian Monarchy, London, 1939.

¹⁹ V. Maklakov. On the Fall of Tsardom. «The Slavonic and East European Review», 1939, vol. XVIII, № 52.

²⁰ H. Seton-Watson. The Decline of Imperial Russia 1885—1914, London, 1952, pp. 378, 379.

²¹ R. D. Warth. The Allies and the Russian Revolution, N. Y., 1954, p. 3.

²² Там же, p. 14.

В конце 50-х годов в Англии и США появился целый ряд новых работ о 1917 г. в России. В качестве одного из крупнейших знатоков Февральской революции выступил небезызвестный Брюс Локкарт, английский консул в России до Октябрьской революции, организатор заговора против Советской власти. В 1957 г. в Англии и США были напечатаны сразу три его работы — две статьи и книга «Две революции»²³, в которой он наиболее полно изложил свою концепцию Февраля.

В качестве одной из «исторических основ» революций 1917 г. в России Локкарт выдвинул «разрушительный элемент в русском характере, который подобно русскому климату резко колеблется от одной крайности к другой». «Англичане, — пояснял он далее, — люди среднего пути. Русские презирают компромисс... Если бы русские обладали духом компромисса, они победили бы самодержавие мирно, постепенно и установили бы демократический режим...»²⁴. Другой необходимой «основой» русских революций, по мнению Локкарта, явилась неудачная война: «Без войны не было бы ни Февральской, ни Октябрьской революций»²⁵. Локкарт не мог удержаться и не добавить к этим «историческим основам» обветшалую версию о «неудачливом царе», которая в следующей формулировке даже заслоняет все его теоретические изыскания: «Корни всех бед были не столько в отсталости России, сколько в том факте, что царь находился под влиянием царицы, которая после его отъезда в Ставку стала фактическим правителем страны»²⁶.

Из других книг о русских революциях 1917 г., вышедших в конце 50-х годов, следует назвать небольшую, рассчитанную главным образом на студентов, книгу Дж. Ш. Кэртисса «Русские революции 1917 г.». Эта книга принадлежит к числу тех немногих изданных на Западе работ, авторы которых видят причины крушения царизма за пределами начальной даты первой мировой войны. Корни революций 1917 г. Кэртисс относит ко времени отмены крепостного права, к реформам 1861 г., которые не удовлетворили крестьян, ибо те «всегда были убеждены, что они ограблены и что когда-нибудь они получают всю помещичью землю на основе принципа, что тот, кто обрабатывает землю, должен и владеть ею»²⁷. Отметим, что этот подход Кэртисса не замедлил вызвать критику Р. Фишера в рецензии, опубликованной в журнале «The American Slavic and East European Review». «Некоторые читатели, — писал Фишер, — могут почувствовать..., что профессор Кэртисс изображает падение царизма преимущественно как результат созревания длительного революционного процесса, а не как прямой итог военной катастрофы. Возможно, профессор Кэртисс преувеличивает революционную силу длительной нищеты крестьян и промышленных рабочих и совсем не уделяет необходимого внимания некоторым обещающим явлениям эры Столыпина и Коковцова»²⁸.

Но признавая наличие в русской действительности второй половины XIX — начала XX вв. глубоких социальных противоречий и видя в них предпосылки революции, Кэртисс тем не менее полагал, что если бы правительство проводило правильную политику, революции можно было бы избежать: «Отличительной чертой всего революционного периода являются ошибки представителей власти. Царь и его сторонники оказались неспособными удовлетворить основные требования масс...»²⁹

²³ R. B. Lockhart. The February Revolution of 1917. «History Today», 1957, № 2; The Unanimous Revolution. Russia, February 1917. «Foreign Affairs», 1957, vol. 35, № 2; The Two Revolutions, London, 1957.

²⁴ R. B. Lockhart. The Two Revolutions, p. 35.

²⁵ Ibid., p. 113.

²⁶ Ibid., p. 57.

²⁷ J. Sh. Curtiss. The Russian Revolutions of 1917, Toronto, N. Y.—L., 1957.

²⁸ «The American Slavic and East European Review», 1957, October, p. 392.

²⁹ J. Sh. Curtiss. Op. cit., p. 105.

Ничего нового в вопрос о причинах краха русского самодержавия не внесли вышедшие в конце 50-х — начале 60-х годов книги Р. Шарка, Дж. Фишера, Н. Фрэнкленда, Д. Футмэна, Э. Тэйлора, С. Пушкарева, Дж. Уолкина и др.³⁰ Обобщая их точку зрения, американский историк А. Адамс пишет: «Хотя вопрос не может быть решен окончательно, современные западные ученые склонны утверждать, что по меньшей мере до 1914—1917 гг. имелись все основания полагать, что Россия может прокладывать себе дорогу к модернизации мирно и что в улучшающихся экономических условиях правительственные чиновники и думские лидеры будут приобретать знания и зрелость, необходимые для того, чтобы трансформировать парламентский эксперимент в эффективную политическую систему. Но когда война началась, как выяснилось, жребий был брошен. Слишком много нерешенных проблем собралось сразу, и ни правительство, ни старый социальный порядок не имели сил, чтобы преодолеть новый огромный кризис»³¹.

Вера современных буржуазных историков в то, что можно было «построить более свободную и более счастливую Россию легальными средствами»³², базируется на оптимистической оценке «думского периода», в течение которого страна совершила якобы необычайный прогресс во всех областях³³. Но как допотопные «теории» причин Февраля (выводящие революцию целиком из войны и «вычурной» политики царя) были в свое время заимствованы английскими и американскими буржуазными авторами у тех, кто, по словам М. Н. Покровского, «не делал революцию, а мешал ее делать»³⁴, точно так же тезис о возможности «мирной» модернизации России является не чем иным, как повторением кадетской и ликвидаторской «теорий» о решении задач буржуазной революции в России после 1905—1907 гг., которые убедительно опроверг в целом ряде своих работ В. И. Ленин.

Примечательно, что эти «теории» начинают находить противников среди самих буржуазных историков. Об этом свидетельствует, в частности, дискуссия, проведенная в конце 1964 — начале 1965 гг. американским журналом «Slavic Review»³⁵. Некоторые ее участники (Л. Хаймсон, Т. фон Лауэ), не соглашаясь с утверждениями советских историков о том, что Россия была близка к революции уже в июле 1914 г., отвергли и противоположную точку зрения западных историков, в соответствии с которой социальное и политическое положение в России перед войной «стабилизировалось».

Попытки некоторых американских историков пересмотреть вопрос о войне, как о главной причине революции в России, вызывают, однако, критику со стороны их коллег. Об этом свидетельствует статья А. Менделя, также принявшего участие в дискуссии. Мендель считает, что «процессы поляризации», о которых пишет Л. Хаймсон, могли вылиться в революционный взрыв только в условиях «тяжелого и сложного влияния

³⁰ R. Charques. *The Twilight of Imperial Russia*, London, 1958; A. Moorehead. *The Russian Revolution*, N. Y., 1958; J. Fisher. *The Russian Revolution*, London, 1960; N. Frankland. *Imperial Tragedy*; Nicholas II, Last of Tsars, N. Y., 1961; D. Footman. *The Russian Revolutions*, London, 1962; E. Taylor. *The Fall of the Dynasties*, N. Y., 1963; S. Pushkarev. *The Emergence of Modern Russia, 1801—1917*, N. Y., 1963. (первоначально эта книга вышла на русском языке в «Издательстве Чехова»); J. Walkin. *The Rise of Democracy in Pre-Revolutionary Russia*, London, 1963; О книгах Р. Шарка, А. Мурхеда и Д. Футмэна см. «История СССР», 1959, № 5, 1960, № 4; 1965, № 2.

³¹ «Imperial Russia after 1861. Peaceful Modernization or Revolution?», Boston, 1964, p. IX—XIII.

³² D. Footman. *Op. cit.*, p. 24.

³³ M. Florinsky. *Op. cit.*, pp. 2—3; A. Moorehead. *Op. cit.*, p. 63; E. Taylor. *Op. cit.*, p. 161.

³⁴ М. Н. Покровский. Противоречия г-на Миллюкова, М., б. г., стр. 1.

³⁵ «Slavic Review», 1964, vol. 23, № 4; 1965, vol. 24, № 1, 3.

войны» и «причудливой» политики царя и его окружения, проводимой ими в военные годы³⁶.

Особенно резко выступил против Л. Хаймсона и других участников дискуссии Дж. Ийни. Признавая, что в дореволюционной России «борьба происходила», он тем не менее считает, что в «сердцевине конфликта» зарождались элементы, способствовавшие «сцеплению» общественного порядка. «Старые клише о классовой борьбе и классовых интересах,— пишет Ийни,— не могут больше служить главной основой для исторической интерпретации социального изменения». Вопрос о причинах крушения царизма решается, с его точки зрения, просто: «Следует знать, конечно, могли ли уличные толпы в России увеличиться или уменьшиться в определенный период, но подавление толпы, как указывал Маркс (?!), требует только батальонов. Социальная устойчивость в дореволюционной России была прежде всего делом батальонов, а не толп и лозунгов, за которыми они следовали. Если искать ответ на вопрос о том, почему общество пало в 1917 г., следует прежде всего расследовать, почему батальоны не были там, где они всегда находились прежде»³⁷.

Таким образом, концепция, согласно которой быстрый прогресс царской России, ее «мирное обновление», происходившее в «думский период», могли «спасти» Россию от революции, не будь войны и некомпетентного правительства, продолжает доминировать в англо-американской буржуазной историографии. Приверженность большинства буржуазных авторов к этой концепции нетрудно понять: она подкрепляет идею о том, что и без «коммунистической революции» Россия достигла бы больших высот во всех областях³⁸. «Картина, рисуемая коммунистами и изображающая Россию 1912 г. как некую разоренную пустыню,— пишет Локкарт,— является преднамеренно искаженной. Не будет ошибкой сказать, что Россия сделала с 1884 по 1914 г. больший прогресс, чем между двумя мировыми войнами»³⁹.

2. ПАДЕНИЕ ИЛИ СВЕРЖЕНИЕ ЦАРИЗМА?

Большинство буржуазных мемуаристов и буржуазных историков, пишущих о Февральской революции, предпочитают говорить не о «свержении самодержавия», а о его «падении». Так, например, М. Флоринский в монографии «Конец русской империи» пишет: «Едва ли будет правильным сказать, что царский режим был свергнут, он просто пал...»⁴⁰. Не изменил этого мнения М. Флоринский и впоследствии, по прошествии двух десятков лет. В двухтомном труде «История России и ее интерпретация» он вновь отмечает: «Свержение или, вернее, падение монархии...»⁴¹.

На наш взгляд, формула «падение монархии» является выражением определенной концепции, согласно которой, как писал Б. Пэйрс, «причина крушения (царизма.— Г. И.) находилась не внизу, а наверху»⁴², и самодержавие рухнуло не под ударом революции, а вследствие своего внутреннего распада и разложения. Оно не было «убито» революцией, но покончило, по словам Керенского, «самоубийством»⁴³. По мнению Милюкова, царская власть не была ликвидирована: она «самоликвиди-

³⁶ Ibid., 1965, vol. 24, N 1, p. 32. Подробнее об этой дискуссии см. Ю. И. Кирьянов, М. Г. Панкратова. Новые тенденции в американской историографии преддворной революции 1917 г. в России, «История СССР», 1967, № 1.

³⁷ «Slavic Review», 1965, vol. 24, N 3, pp. 523—524, 527.

³⁸ M. Florinsky. Op. cit., pp. 2—3.

³⁹ R. B. Lockhart. The Two Revolutions, p. 44.

⁴⁰ M. Florinsky. Op. cit. p. 240.

⁴¹ Его же. Russia: A History and an Interpretation, N. Y., 1953, vol. 2, p. 1382.

⁴² B. Pares. Op. cit., p. 24.

⁴³ A. F. Kerensky. The Crucifixion of Liberty. Ch. 12, The Suicide of Czarism, p. 241.

ровалась». «Между старой властью, ликвидировавшей саму себя, и властью, вновь созданной 2 марта 1917 года, имеется ли какое-либо юридическое преемство? — спрашивал Миллюков и сам отвечал: — Между ними прошла революция»⁴⁴.

Рассматривая историю Февральской революции, буржуазные историки ограничиваются обычно описанием событий в Петрограде. Ход революции в других городах и местностях России остается за пределами их внимания, поскольку с их точки зрения, вся страна мирно и спокойно «приняла» переворот, совершившийся в столице, с царизмом было покончено «без всякой борьбы в течение нескольких дней»⁴⁵. Но и в самом Петрограде в изложении английских и американских авторов никакой борьбы по существу не происходило. Свершилось некое «чудесное избавление» России от самодержавного режима. «Царизм, — писал Ф. Голдер, — не был в действительности свергнут, но упал подобно гнилому дереву...»⁴⁶. В книге «От свободы до Брест-Литовска» Тыркова-Вильямс писала: «Государственный переворот совершился почти без борьбы и кровопролития, оружие, которое восставшие себе доставали, было почти не нужно. Казалось, что власть безболезненно перешла к народу»⁴⁷. «Никакой попытки сопротивления в стране, ни на фронте! — патетически восклицал Керенский. — Монархия исчезла с почти неизъяснимой легкостью»⁴⁸. Сорок лет спустя буржуазные авторы едва ли не дословно повторяют эти мысли. Так, Р. Шарк утверждает, что самодержавие «умерло естественной смертью» и «монархия исчезла сама собой»⁴⁹. Локкарт пишет: «Мало кто пошевелил пальцем, чтобы спасти режим, который пал, подобно карточному домику, от дуновения ребенка»⁵⁰. А. Мурхед договорился до того, что Николай II «красиво и благородно» сошел со сцены, уступив власть Временному правительству⁵¹.

Но те, кто представлял подлинно революционные силы, те, кто «делал» революцию, отнюдь не считали, что победа в последней схватке с самодержавием была завоевана легко и просто, что царизм сдался без сопротивления и борьбы. Напротив, в большевистских документах и в первых воззваниях Петроградского Совета подчеркивается, что победа эта далась дорогой ценой: ценой крови восставших рабочих и солдат. О «безболезненности» падения царского режима, о бескровности происшедшей революции стали громогласно возглашать люди, не принимавшие в ней никакого участия, но на гребне мощной революционной волны вынесенные к власти. Где были все эти «либеральные» и «умеренные» деятели в те дни, когда на улицах Петрограда уже в течение нескольких дней рабочие вели бои с полицией, казаками и солдатами, когда уже лилась кровь восставших рабочих и солдат?

«В течение всех этих первых дней революции, — писал впоследствии Керенский, — я не был на улицах, и, таким образом, я никогда не видел восставшего города... В эти дни моя деятельность не позволила мне выйти за стены Таврического дворца. Здесь было нечто подобное генеральному штабу действующей армии. Мы не видели поля боя, не слышали стонов раненых и умирающих. Мы воспринимали все посредством донесений, телефонных звонков и рассказов очевидцев... Мы пытались руководить движением, чтобы придать ему определенную цель, сформировать его и привести революционные силы в порядок»⁵².

⁴⁴ П. Н. Миллюков. Воспоминания (1854—1917), Нью-Йорк, 1956, т. II, стр. 290.

⁴⁵ М. Карпович. A Lecture of Russian History, s'Gravenhage, 1958, p. 41.

⁴⁶ A. Petrunkevitch, S. Harper, F. Golder. Op. cit., p. 71.

⁴⁷ A. Tyrkova-Williams. From Liberty to Brest-Litovsk, Lnd., 1919, p. 14.

⁴⁸ A. F. Kerensky. The Crucifixion of Liberty, p. 268.

⁴⁹ R. Charques. Op. cit., p. 241.

⁵⁰ R. B. Lockhart. The Two Revolutions, p. 72.

⁵¹ A. Moorehead. Op. cit., pp. 9, 24.

⁵² A. F. Kerensky. The Catastrophe N. Y.—Lnd., 1927, p. 19.

Приведенные слова Керенского примечательны не только тем, что в них содержится признание того факта, что все эти либеральные и «умеренные» деятели, мнившие себя вождями революции, как говорится, не видели ее в глаза. Они проливают также свет на другую, более важную причину возникновения версии о легком падении царизма, о «бескровности» Февральской революции. Керенский несколько отвлеченно пишет о стремлении либеральных сил привести в порядок революционное движение, придать ему определенную форму, наметить его цель, но устремления буржуазных лидеров в дни февральского восстания были вполне определены. Всеми силами они стремились остановить революцию, ввести «анархию» и «беспорядок», как они ее называли, в рамки, приемлемые для буржуазии, погасить пожар разгоревшейся классовой борьбы. Этими устремлениями были пронизаны все многочисленные выступления, воззвания и призывы, исходившие от Временного комитета Государственной Думы, а затем от Временного правительства. Все твердили о необходимости восстановления спокойствия и водворения нарушенного порядка.

В связи с этим была развернута широкая пропагандистская кампания «умиротворения» революционных масс. «Миротворчество, — писал впоследствии член военной комиссии Петроградского Совета С. Мстиславский, — лозунг социального мира и общенационального единения под буржуазным покровом, с настойчивостью особой восславлено было буржуазной публицистикой, явственно противопоставлявшей его в расчете на характерную для обывательской массы тягу к «покойному житию» — призывам к борьбе, шедшим с левого, крайнего непримиримого крыла социалистов»⁵³.

Составной частью этой кампании и была раздуваемая версия о «самоисчезновении» царской власти. Показательно, что представители низвергнутого революцией режима весьма проникательно оценили назначение и цели пропагандистских маневров новой власти. Так, вскоре после победы революции великий князь, бывший верховный главнокомандующий Николай Николаевич заявил: «Единственное спасение я вижу в лозунге нового правительства — бескровная революция»⁵⁴.

Но была ли в действительности победа над царизмом столь легкой и бескровной, как об этом трубила буржуазная пресса? Пал ли царизм до начала революции, или он был сокрушен ею? Возможность революции всегда была одним из главных факторов, учитывавшихся царизмом при определении своей внутренней и внешней политики. И ни царское правительство, ни сам Николай II, по справедливому замечанию М. Н. Покровского, «не проявляли никакой пассивности перед надвигавшейся революцией»⁵⁵. Несмотря на опасность со стороны «врага внешнего», царизм не жалел сил для войны с «врагом внутренним».

События показали, что царизму не удалось осуществить свой план подавления революции: войска петроградского гарнизона перешли на сторону восставших, но этот переход, как известно, совершился не сразу. 23 февраля против забастовщиков и демонстрантов в основном действовала одна полиция; как сообщалось в полицейском донесении, «около 2 часов дня охрана порядка и спокойствия в столице была принята военными властями»⁵⁶. На следующий день «толпы народа усиленно разгонялись полицией, пехотными и кавалерийскими частями»⁵⁷. 25 февра-

⁵³ С. Мстиславский. Гибель царизма, Л., 1927, стр. 100—101.

⁵⁴ «Из дневника А. В. Романова». «Красный Архив», 1928, т. 1, (26) стр. 198.

⁵⁵ М. Покровский. Исторический смысл Февраля. «Пролетарская революция», 1927, №№ 2—3 (61—62), стр. 8.

⁵⁶ А. Шляпников. Февральские дни в Петрограде. «Пролетарская революция», 1923, № 1 (13), стр. 78.

⁵⁷ «Первые дни Февральской революции (хроника событий)». «Пролетарская революция», 1923, № 1 (13), стр. 21.

ля Петроград принял вид военного лагеря. В письме Бюро ЦК РСДРП (б), направленном в Московскую организацию РСДРП 26 февраля, говорилось: «улицы полны народом, направляющегося к центру, во всех переулках стоят войска, время от времени раздаются залпы вдоль Невского, у Знаменской площади и других местах, стреляют из пулеметов, много убитых и раненых»⁵⁸. «Полицейские пулеметчики, рассаженные по засадам на крышах домов и пожарных каланчах, поливали свинцовым дождем демонстрировавшие массы рабочих», — свидетельствовал Шляпников⁵⁹.

Впоследствии радость победы над Временным правительством стерла и стусевала многое из того, что переживали те, кто поднялся на последний бой с царизмом в февральские дни. И все же мемуары многих участников и очевидцев передают напряженный драматизм событий тех дней.

26 февраля у Протопопова появилась надежда, что «все наладится», и в ночь на 27 он направил телеграмму о том, что «за исключением 4-й эвакуированной роты Павловского полка», «войска действовали ревностно»⁶⁰. 27 февраля Всеобщая политическая стачка петроградских рабочих и примкнувших к ним демократических слоев города переросла в вооруженное восстание, которое слилось с восстанием солдат петроградского гарнизона. Однако, как свидетельствуют многие мемуаристы, и в этот пятый день революции исход борьбы не был ясен.

27 февраля Николай II, игнорируя мольбы Родзянко и других либеральных деятелей о даровании ответственного министерства, решил покончить с революцией вооруженной силой, для чего приказал назначить войска под командованием генерала Иванова: из Ставки георгиевский батальон и роту собственного полка государя под командованием генерала Листовского; с Северного фронта 67-й Тарутинский и 68-й Бородинский пехотные полки, 15-й уланский Татарский и 3-й Уральский казачий кавалерийские полки; с Западного — 34-й Севский и 36-й Орловский пехотные полки, 2-й гусарский Павлоградский и 2-й Донской казачий кавалерийские полки, 2 батареи артиллерии. В состав карательных войск царь включил также Выборгскую крепостную артиллерию и другие подразделения. Сборным пунктом всех войск назначены Царское Село и станция Александровка близ Царского Села⁶¹.

Конечно, восставшие полки Петроградского гарнизона численностью превосходили войска Иванова. Но не следует забывать, что восставшие солдаты не представляли собой организованной боевой силы. В ходе революции различные воинские части разбились на отдельные отряды и группы, перемешались и некоторое время не имели винтовок, револьверов, патронов и снаряжения⁶².

Английские и американские буржуазные историки мало говорят о попытке царизма силой подавить революцию. В книге М. Флоринского «Конец русской монархии» мы, например, не находим об Иванове ни слова. В другой своей книге «Россия, ее история и интерпретация» Флоринский утверждает, что в Царское Село из Могилева было направлено всего лишь два батальона георгиевских кавалеров⁶³. Даже Пейрс, который детально описывает политическую историю «верхов» в канун и в ходе Февральской революции, говорит об Иванове весьма сжато и глухо, представляя при этом его неким либералом и усиленно подчеркивая, что

⁵⁸ «Документы Бюро ЦК РСДРП в России (июль 1914 — февраль 1917)». «Военная история КПСС», 1965, № 9, стр. 82.

⁵⁹ А. Шляпников. Февральские дни в Петрограде. «Пролетарская революция», 1923, № 1 (13), стр. 93.

⁶⁰ А. Блок. Последние дни императорской власти. М., 1921, стр. 66.

⁶¹ «Большая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий», т. 1, М., 1957, стр. 15.

⁶² Г. Перетц. В цитадели русской революции, Пг., стр. 46.

⁶³ M. Florinsky. Russia: a History and Interpretation, vol. 2, p. 1379.

перед походом на Петроград Иванов требовал от царя «реформ». Пейрс пишет далее, что у Иванова и в намерениях не было «атаковать столицу и войти в нее»⁶⁴. Несколькими фразами в предисловии к I части I тома ограничились и составители трехтомной публикации «Русское Временное правительство». Они сообщают лишь, что царь «приказал генералу Н. И. Иванову с батальоном георгиевских кавалеров двинуться в город и восстановить власть»⁶⁵. Такое описание карательной экспедиции царского генерала, как незначительного эпизода, мероприятия с неопределенными планами и целями, является по существу повторением версии, выдвинутой самим Ивановым и принятой Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства⁶⁶.

Справедливо указывая на дискредитацию царизма, на его разложение, его изоляцию, т. е. в конечном счете на слабость режима, буржуазные историки, как правило, ничего не говорят о силе революции, о мощи революционного натиска, а именно она и была главной причиной, сковавшей действия царизма, направленные на подавление революции. В ходе Февральской революции, пишет И. П. Лейберов, «число участников революционного движения составляло почти 100% общего количества рабочих столицы»⁶⁷. Если прибавить сюда широкие массы демократических слоев населения города, поднявшихся на борьбу с царизмом, то можно смело сказать, что жизнь огромного города в февральские и первые мартовские дни 1917 г. была полностью парализована. Победа над царизмом была достигнута ценой минимальных жертв, но она не была бескровной. Если и можно говорить о Февральской революции как бескровной, то только в отношении буржуазии. Для нее Февральская революция была действительно бескровной. Что касается рабочих и солдат, то в это решающее время они проявили героизм, самопожертвование, готовность сражаться до конца с оружием в руках. «Требовалась сила, которая способна была бы использовать создавшуюся ситуацию и отправить царизм в небытие. Такой силой явился российский пролетариат, закаленный и умудренный богатым опытом классовых битв. Это был самый революционный пролетариат, в среде которого были живы боевые традиции „пятого года“»⁶⁸.

3. «ЕДИНОДУШНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»?

Как уже отмечалось, первые работы, вышедшие в Англии и США, полностью воспроизводили пропагандистскую версию Временного правительства, утверждавшую, что революция — результат «неумелого» ведения войны царизмом. То же самое произошло и с характеристикой движущих сил революции, с ответом на вопрос о том, кто совершил Февральский переворот.

«Когда революция уже началась, — писал В. И. Ленин, — тогда ее «признают» и либералы, и другие враги ее, признают часто для того,

⁶⁴ B. Pares. Op. cit., p. 457.

⁶⁵ R. Browder and A. F. Kerensky. The Russian Provisional Government, 1917. Documents, vol. 1, p. 23.

⁶⁶ В апреле 1917 г. в письме Гучкову Иванов писал: «Раздутая газетами моя поездка, случайно совпавшая с поездкой георгиевского батальона в район Петрограда, являлась и для меня, и для батальона следованием к месту нового назначения и отнюдь не преследовала каких-либо карательных целей» («Красный Архив», 1926, т. 4 (17), стр. 228—229). Комиссия Временного правительства, бесспорно заинтересованная в изображении Февральской революции самопроизвольным падением царизма, вынесла заключение, что генерал Иванов «не ставил целью своего движения карательную экспедицию» (см. об этом подробнее «Провал попытки Ставки подавить Февральскую революцию в 1917 г. в Петрограде». «Вопросы архивоведения», 1962, № 1).

⁶⁷ И. П. Лейберов. О революционных выступлениях петроградского пролетариата в годы первой мировой войны и Февральской революции. «Вопросы истории», 1964, № 2, стр. 77.

⁶⁸ История Коммунистической партии Советского Союза, т. 2, М., 1966, стр. 650.

чтобы обмануть и предать ее»⁶⁹. Те, кто в годы, предшествовавшие революции, предпринимали лихорадочные усилия, чтобы не допустить ее, спасти монархию, теперь, в феврале 1917 г., перед лицом грозно взметнувшейся революционной волны, объявили себя революционерами⁷⁰. В этом была единственная возможность не оказаться смытыми с лица земли вместе с рухнувшим зданием царизма. Буржуазные и соглашательские газеты запестрели фразами о «единодушной революции», об участии всех и вся в борьбе против самодержавия. Этот же лейтмотив повторялся в бесчисленных речах, с которыми без устали выступали новоявленные «революционеры». Был и другой смысл в усиленно пропагандируемой буржуазными деятелями идее о «единодушном» характере Февральской революции. С ее помощью пытались убедить трудящиеся массы, стремившиеся к дальнейшему углублению и развитию революции, в необходимости сохранить на будущее то «единство», благодаря которому была якобы достигнута победа над «общим врагом» — царизмом, и таким образом «блокировать» революцию. «Эта революция единственная в своем роде», — писал князь Е. Трубецкой 5 марта 1917 г. — Бывали революции буржуазные, бывали и пролетарские, но революции национальной в таком широком понимании слова как нынешняя русская, доселе не было на свете. Все участвовали в этой революции, все ее делали: и пролетариат, и войска, и буржуазия, даже дворянство, не исключая объединенное... Честь и слава всем»⁷¹. Во главе этого «единого фронта» борьбы с царизмом, утверждала буржуазная пресса, шла Государственная дума⁷².

Авторы первых книг о Февральской революции почти дословно повторяли эту версию. Так, Ф. Голдер писал в упомянутой выше статье: «Русская революция (Февральская. — Г. И.) не была классовой революцией, она не была совершена ни пролетариатом, ни буржуазией, ни аристократией; все классы участвовали в ней, она была национальной революцией»⁷³. Ланге уверял, что народ обратился к Думе, как представительнице русской нации, прося эту национальную ассамблею взять руководство, выпавшее из рук правительства⁷⁴. «Именно здесь, в Думе, — патетически восклицал Маркусон, — была рождена новая свобода»⁷⁵. Та же мысль проводилась в книге М. Ольгина: «Дума, единственное национальное представительство, стала центром революции и приняла руководство в момент кризиса»⁷⁶. О Думе, как центре революционного движения в февральские дни, писали А. Сак, А. Тыркова-Вильямс и другие авторы⁷⁷.

И в 20-е годы Государственная дума фигурировала в трудах английских и американских историков в качестве «руководящего центра», вокруг которого сплотились все революционные силы страны. Но в 30-е

⁶⁹ В. И. Ленин. ПСС, т. 27, стр. 46.

⁷⁰ Впоследствии, оказавшись в эмиграции, эти «революционеры» в своих мемуарах и «исследованиях» усиленно отрешивались от революции, доказывая, что они не хотели революции и стремились предупредить ее. См., напр., М. Родзянко. Государственная дума и Февральская 1917 г. революция. «Февральская революция», М., 1925, стр. 21; П. Миллюков. Россия на переломе, т. I, Берлин, 1927, стр. 47.

⁷¹ «Речь», 5 марта 1917 г.

⁷² Это была явная фальсификация. Ю. В. Ломоносов «автором» ее считает Бубликова, разославшего по всем железным дорогам телеграмму, из которой «вся Россия впервые узнала и поняла, что ее (революцию. — Г. И.) сделала Дума. Нужны были месяцы, чтобы гуща русского народа поняла эту фальсификацию (Ю. В. Ломоносов. Воспоминания о Мартовской революции, Стокгольм — Берлин, 1921, стр. 27). С. Мстиславский называет источником мифа о «руководящей роли» Думы «Комитет петроградских журналистов», выпускавший в дни революции свои «Известия» (других газет в первые дни не выходило). С. Мстиславский. Гибель царизма, Л., 1927, стр. 96.

⁷³ A. Petrunkevitch, S. Harper, F. Golder. Op. cit., p. 73.

⁷⁴ Ch. Lange. Op. cit., p. 10.

⁷⁵ I. Marcusson. Op. cit., p. 47.

⁷⁶ M. Olgin. Op. cit., pp. 403—404.

⁷⁷ A. Sack. The Birth of Russian Democracy, N. Y., 1918, pp. 227, 234, 242; A. Tyrkova-Williams. Op. cit., p. 7.

годы вера буржуазных историков в ее руководящую роль в Февральской революции заметно поколебалась. М. Флоринский писал: «События февраля — марта 1917 г., которые привели к падению монархии и установлению Временного правительства, произошли в момент наивысшей популярности Думы..., но уместно отметить, что несмотря на ведущую роль, сыгранную Думой в отречении царя и назначении Временного правительства, она не имела реального контроля над ходом событий... Мятеж, который начался на улицах Петрограда и вызвал падение монархии, был для Думы неожиданным». И в другом месте: «Ее (Думы. — Г. И.) руководство, однако, оставалось в основном номинальным, события шли своим собственным ходом независимо от путаных и часто противоречивых советов, даваемых Таврическим дворцом»⁷⁸.

В работах современных английских и американских буржуазных историков утверждения о думском руководстве Февральской революцией встречаются редко. А. Мурхед, например, называет Думу «реальным центром событий». Более осторожно высказываются Керенский и Броудер. «Единственным учреждением, способным осуществлять руководство (революционным движением. — Г. И.), — пишут они, — была Дума»⁷⁹.

Но если утверждения о Думе как руководящей силе революции в современной англо-американской историографии можно считать анахронизмом, то тезис о «единодушном» характере Февраля, о том, что царизм свергали все классы и слои общества, продолжает оставаться в ней неизменным в течение многих лет. Об отсутствии «остроты классовых линий» в февральской революции писал У. Чемберлин⁸⁰. Отрицал какое-либо классовое содержание в февральском перевороте Дж. Мэйнард⁸¹. Как уже отмечалось, Локкерт в 1957 г. написал статью о Феврале под названием «Единодушная революция». Дж. Кэртисс полагает, что «во всей России никого не нашлось для защиты царя»⁸². «Ни в армии, ни в городах, ни среди высших классов, — пишет Р. Абрамович, — не было никакой симпатии к романовской династии»⁸³. С. Пушкарев: «Зимой 1916—1917 гг. на одной стороне стояло царское правительство — изолированное, слабое, подозреваемое или даже презираемое, на другой стороне — интеллигенция, рабочие и запасные солдаты...»⁸⁴. По мнению Дж. Уолкина, в феврале 1917 г. было много общего с 1905 г. и, в частности, это общее заключалось в том, что в обоих случаях «изолированному», «беспомощному» монарху «противостояли все группы населения, действовавшие вместе стихийно и без руководства»: «неспособная и реакционная монархия была отвергнута всем населением, что и подготовило почву для революции и в 1917 г. привело к восстанию масс»⁸⁵.

При всем этом «качественное» участие различных классов в Февральской революции, их вклад в достижение победы были, по уверению буржуазных историков, отнюдь не одинаковыми. В выдвижении и этого тезиса застрельщиком была русская контрреволюционная эмиграция. «Я... могу засвидетельствовать, — писал Керенский, — что так называемая буржуазия, члены Временного комитета Думы, и позднее Временного правительства, которые были в центре событий в эти первые дни революции, проявили не меньше, а, возможно, больше идеализма и жертвенности, чем представители демократии, особенно так называемой ре-

⁷⁸ M. Florinsky. The End of the Russian Empire, pp. 114—115, 238.

⁷⁹ R. Browder and A. F. Kerensky, ed. The Russian Provisional Government of 1917. Documents, vol. 1, p. 22.

⁸⁰ W. H. Chamberlin. The Russian Revolution 1917—1921, vol. 1, N. Y., 1935, p. 80.

⁸¹ J. Maynard. Russia in Flux before October, London, 1939, pp. 277—278.

⁸² J. Curtiss, Op. cit., p. 31.

⁸³ R. Abramovitch. The Soviet Revolution 1917—1939, London, 1962, p. 15.

⁸⁴ S. Pushkarev. The Emergence of Modern Russia, N. Y., 1962, p. 407.

⁸⁵ J. Walkin. Op. cit., p. 233.

волюционной демократии. Я могу засвидетельствовать, что в эти великие дни буржуазия была тем, кто стоял бесстрашно за спасение нации. Представители буржуазии шли на самоотречение с радостью, как на величайший, священный и счастливейший акт своей жизни»⁸⁶.

Такого же рода оценки можно встретить и в работах английских и американских авторов более позднего времени. Дж. Уолкин, например, проводит мысль о том, что решающую роль в Февральской революции сыграли «высшие», «образованные» классы⁸⁷.

Действия «низших классов», в том числе и пролетариата, в ходе Февральской революции предстают в работах буржуазных авторов в совершенно ином свете. В буржуазной историографии широко распространен взгляд, согласно которому русский рабочий класс представлял собою массу политически незрелых полурабочих-полукрестьян. Поэтому рабочее движение в России и перед Февралем, как правило, изображается в виде стихийных бунтов, анархических беспорядков, лишенных какого-либо позитивного политического содержания. Так, Б. Пейрс писал в «Падении русской монархии»: «Несомненно в России того времени (имеется в виду предреволюционный период. — Г. И.) народ в целом был политически все еще слишком незрелым для того, чтобы придать практическое очертание своим мыслям, и социалистические лидеры... в действительности были частью масс не в большей степени, чем политики правого крыла»⁸⁸. М. Флоринский в работе «Конец русской империи» отвел рабочему движению в канун Февраля несколько больше места, чем другие авторы (он использовал статистические данные фабрично-заводской инспекции о количестве стачек и забастовок), но не разошелся с ними в выводах. По его мнению, основной особенностью стачечного движения военных лет была его абсолютно «стихийная природа». «Организованного рабочего движения по-прежнему не существовало»⁸⁹. Р. Шарк объясняет возобновившееся в России весной 1915 г. стачечное движение только «спорами о заработной плате» и полностью соглашается с мнением охранки, которая даже октябрьские стачки 1916 г. рассматривала как «хаотические», «стихийные» и предвещавшие «катастрофическую анархию»⁹⁰.

Столь же «стихийными» и «анархическими» буржуазные историки рисуют действия масс в ходе самой Февральской революции, а также после нее, в период между Февралем и Октябрем. Массы, писал Тревиранус, «не имели ни координированного плана, ни ясной цели. Они хотели мира и еще больше они хотели есть»⁹¹. «Русская революция... — писал Б. Пейрс, повторяя Милокова, — в действительности содержала в себе гораздо больше от Пугачева, Разина и Болотникова, чем от какого-либо осуществления современных лозунгов»⁹². Ныне Дж. Уолкин уверяет, что «массовый бунт в феврале не имел ни цели, ни руководства»⁹³. Автор вышедшей в популярной серии книжки «Заговорщики» Д. Гудспид сообщает своим читателям, что во время февральских событий рабочие «бродили по улицам сердитые, но бесцельные»⁹⁴.

В качестве несомненной причины революционного выступления масс 23 февраля 1917 г. буржуазные историки выдвигают возникшие в Петрограде «продовольственные затруднения». Редки повторяет в своей книге слова эсера Чернова о том, что единственным и главным фактором, заставившим петроградских рабочих выйти на улицу, был «царь-го-

⁸⁶ A. F. Kerensky. *The Catastrophe*, pp. 4—5.

⁸⁷ J. Walkin. *Op. cit.*, p. 235.

⁸⁸ B. Pares. *Op. cit.*, p. 432.

⁸⁹ M. Florinsky. *The End of the Russian Empire*, p. 255.

⁹⁰ R. Charques. *Op. cit.*, p. 233.

⁹¹ G. Treviranus. *Revolutions in Russia*, N. Y.—L., 1944, p. 84.

⁹² B. Pares. *Op. cit.*, p. 39.

⁹³ J. Walkin. *Op. cit.*, p. 235.

⁹⁴ D. Goodspeed. *The Conspirators*. Toronto, 1962, p. 72.

лод»⁹⁵. Аналогичные «объяснения» даются и большинством других современных английских и американских авторов. Согласно А. Мурхеду, большое влияние на выступление масс оказала «ужасная русская зима», «когда мысли людей естественно проникаются меланхолией и отчаянием». Это отчаяние породило одну из вообще свойственных русскому народу «вспышек полубезумия, когда он не может думать ни о чем, кроме того, чтобы бить, жечь и разрушать». «Смысл» в февральском движении, по Мурхеду, возник только тогда, когда «наконец появились политики и начали борьбу друг с другом за контроль над новой ситуацией, которую рабочие, солдаты и темный народ так случайно создали»⁹⁶. С Мурхедом фактически солидарен Р. Абрамович, заявляющий, что лишь «беспорядочные попытки полиции остановить движение придали ему политическое значение»; до этого же «ни стачки, ни демонстрации в рабочих предместьях (например, в Выборгском районе) не носили политического характера»⁹⁷. Ганс Кон щедро оделяет русский народ стремлением к анархии и на послефевральский период: «Немедленно после своего создания Временное правительство приступило к насаждению полной свободы в России... Но почва для этой свободы недостаточно созрела. Свобода должна предполагать сознание ответственности, масса же не сознавала, что свобода требует честной игры и учета интересов нации в целом. Для них свобода означала безвластие»⁹⁸.

Таким образом, в отличие от буржуазно-либеральных кругов, которым зарубежные авторы приписывают «высокие идеалы» и «благородные цели», побудительные мотивы трудящихся масс в Февральской революции изображаются в буржуазной историографии низменными и эгоистическими.

К этому тезису примыкает встречающееся в ряде работ буржуазных историков утверждение, согласно которому основной, главной силой совершившей Февральскую революцию был не рабочий класс, а солдатские массы. Еще Б. Пейрс писал, что «революция была совершена солдатами Петрограда, главным образом, запасными»⁹⁹. В послевоенной литературе ту же мысль находим у А. Мурхеда («солдаты были теми, кто в действительности совершил революцию») и Р. Абрамовича (армия была «главной силой революции») ¹⁰⁰. Почему? Да потому, что действия солдат, по мнению этих авторов, нуждаются в доказательстве стихийности, отсутствии какой-либо политической направленности и организованности, еще в меньшей степени, чем действия рабочих. Недаром Абрамович пишет, что солдаты были полностью «лишены политического опыта» и «чуждались политических партий» больше рабочих ¹⁰¹.

Изображение народных масс, как слепой разрушительной силы, на фоне которой оттеняется «принципиальная», «сознательная» борьба либерально-думских кадетствующих кругов против самодержавия, является обязательной обратной стороной тезиса о «единодушном» характере Февральской революции. И здесь мы подходим к той главной идейной нагрузке, которую несет этот тезис. Февраль — революция всех классов и партий, общенациональная революция против всеми покинутого и полностью изолированного царизма, революция, в которой анархический инстинкт масс сдерживался позитивной идейно-политической программой либеральной буржуазии; Октябрь — революция меньшинства против большинства, сопровождавшаяся жестокими классовыми столкновениями, революция, приведшая к расколу и взаимному кровопролитию, ре-

⁹⁵ O. Radkey. The Agrarian Foes of Bolshevism, N. Y., 1958, p. 131.

⁹⁶ A. Moorehead. Op. cit., pp. 108, 133, 139.

⁹⁷ R. Abramovitch. Op. cit., p. 12.

⁹⁸ H. Koh n. Basic History of Modern Russia, N. Y., 1957, p. 99.

⁹⁹ B. Pares. Op. cit., p. 462.

¹⁰⁰ A. Moorehead. Op. cit., p. 139; R. Abramovitch. Op. cit., p. 21.

¹⁰¹ R. Abramovitch. Op. cit., p. 16.

волюция, в которой большевики сыграли на всплеске темных страстей толпы, чтобы опрокинуть либералов. Февраль — истинно демократическая революция; Октябрь — заговор, переворот, осуществленный большевиками во главе с Лениным.

Вот по существу обнаженное ядро общего взгляда на две русские революции 1917 г., присущего, пожалуй, подавляющему большинству тех буржуазных историков Англии и США, которые выдвигают и отстаивают тезис о «единодушии» Февраля. Добавим: не требуется особых усилий, чтобы обнажить это ядро в целом ряде работ, изданных на Западе в последнее время, — сами авторы делают это достаточно ярко. В предисловии к книге Р. Абрамовича С. Хук пишет, что Абрамович рассматривает «большевистский захват власти» как «разрушение демократического режима, установленного в Феврале 1917 г.»¹⁰². «Их революция, т. е. «десять дней, которые потрясли мир», была направлена против режима, который был установлен в России мартовской революцией», — негодует В. Войтинский¹⁰³. «Если Февральская революция 1917 г., совершенная 4-й Думой без активного участия революционных партий, выражала чувства большинства русского народа, то Октябрьская революция, совершенная большевиками, была, строго говоря, контрреволюцией, навязанной демагогическим меньшинством», — заявляет И. Спектор¹⁰⁴.

Конечно, для того, чтобы отстаивать тезис о «единодушной» революции всего русского общества против Романовых, надо закрыть глаза на факты многочисленных попыток буржуазной либеральной оппозиции договориться с царизмом, чтобы не допустить взрыва народного гнева. А ведь даже в эмигрантской мемуаристике можно найти десятки признаний того, что либералы заботились лишь об одном: «образумить» царизм и «спасти» страну от революции¹⁰⁵. Именно эту цель преследовало и самое «крайнее» средство — дворцовый переворот — на которое, кстати, буржуазия так и не решилась. ««Интеллигентные» круги столицы, — писал в своих воспоминаниях Милюков, — могли мечтать о дворцовом перевороте, который не накладывался, и о направленных против высоких особ террористических актах, для которых не находилось исполнителей, — и охранное отделение могло наполнять слухами об этом доклады своих филеров по начальству... В чем будет состоять переворот, — никому не было известно». Милюков приводит также слова лидера московских либералов Челнокова, который говорил: «Никто об этом (перевороте. — Г. И.) серьезно не думал, а шла болтовня о том, что хорошо бы, если бы кто-нибудь это устроил»¹⁰⁶.

Первая реакция буржуазных политиков на «беспорядки», начавшиеся 23 февраля 1917 г. в Петрограде, мало чем отличалась от реакции царского правительства и Ставки: они, говоря словами Суханова, готовы были «выдать» революцию царизму. Генерал А. Лукомский, хорошо осведомленный обо всех телеграммах, приходивших в Ставку в дни революции, со всей определенностью пишет, что 26 февраля «председатель Гос. думы М. В. Родзянко прислал очень тревожную телеграмму, где указывал, что начинаются в войсках аресты офицеров, что войска переходят на сторону рабочих и черни, что положение крайне серьезное и что необходима присылка в Петроград надежных частей»¹⁰⁷.

¹⁰² R. Abramovitch. Op. cit., p. VIII.

¹⁰³ W. Voitynsky. Stormy Passage, N. Y., 1961, p. XVIII.

¹⁰⁴ I. Spector. An Introduction to Russian History and Culture Princeton, 1961, p. 279.

¹⁰⁵ В. Шульгин. Дни, Ленинград, 1926, стр. 85; М. В. Родзянко. Государственная дума и Февральская 1917 г. революция. «Февральская революция», стр. 33—34; П. Н. Милюков. История второй русской революции, т. I, вып. I, София, 1921, стр. 36—37; В. Станкевич. Воспоминания. «Февральская революция», стр. 400.

¹⁰⁶ П. Н. Милюков. Воспоминания, 286, 281.

¹⁰⁷ А. Лукомский. Из воспоминаний. «Февральская революция», стр. 206.

Однако очень быстро и царизму и буржуазии стало ясно, что без тяжелых, не поддающихся учету внешнеполитических и внутривнутриполитических последствий, начать вооруженную борьбу с революцией не удастся. В то время, когда рабочие и примкнувшие к ним солдаты сражались на улицах и площадях Петрограда с царской полицией и сохранявшими верность правительству войсками, буржуазные либералы начали маневрировать, стремясь войти в контакт с царем и заключить с ним соглашение на основе программы «прогрессивного блока», чтобы остановить революцию. К этому в конце концов стал склоняться и царь. Но было уже поздно. Революционное движение приняло такой размах, что остановить его «жертвой пешки» было уже нельзя. Только тогда буржуазия совершила поворот и от активного противодействия революции перешла к «признанию» и «прославлению» революции. Но этот поворот, хотя и облегчил победу революции, отнюдь не означал, что буржуазия стала революционной силой. «..., Дружно“ слились,— писал Ленин,— совершенно различные потоки, совершенно разнородные классовые интересы, совершенно противоположные политические и социальные стремления...»¹⁰⁸. Возникновение двоевластия — лучшее опровержение тезиса о «единодушной» Февральской революции.

4. ФЕВРАЛЬ «ПРОТИВ» ОКТЯБРЯ

Итак, если верить большинству английских и американских буржуазных историков, Февральская революция была революцией «всех», революцией «единодушной», лишенной какого-либо классового содержания, и лишь потом, ближе к Октябрю и в ходе Октября произошел «распад» этого «единодушия». Почему же русская революция не остановилась на буржуазно-демократическом этапе, а двинулась к «тоталитарному» Октябрю, разрушившему якобы «демократический» Февраль? Безусловно отрицая закономерность победы социалистической революции в марксистско-ленинском ее понимании, некоторые буржуазные авторы пытаются по-своему объяснить обусловленность «краха либерализма» и «триумфа большевистской диктатуры».

Согласно этим объяснениям, идейным источником которых служат теоретические построения таких идеологов антикоммунизма и антисоветизма, как Бердяев, Федотов, Струве¹⁰⁹, большевизм и его победа в Октябре 1917 г. имели глубокие корни в вековой отсталости России, в исконном отличии ее истории, ее «особого пути», от истории Запада. России всегда была свойственна «хроническая приверженность к тоталитарному правлению»¹¹⁰, Россия в течение веков проявляла «склонность к авторитаризму»¹¹¹, «подавляющее большинство русских... вообще не было знакомо с ценностями и техникой парламентской демократии»¹¹², — такие и аналогичные утверждения весьма типичны для современных западных авторов. В том-то, уверяют эти авторы, и состояла трагедия русских либералов, что они стремились к осуществлению в России «высоких идеалов» западной свободы и парламентаризма, не понимая того, что русский народ, не знающий демократических традиций, воспитанный в «тоталитарном» духе, не созрел, не дорос еще до этих «идеалов». «Было весьма сомнительным,— писал еще М. Флоринский,— быстрое введение демократической системы в стране с низким образователь-

¹⁰⁸ В. И. Ленин. ПСС, т. 31, стр. 16.

¹⁰⁹ Подробнее об этом см. Ю. Карякин, Е. Плимак. Мистер Кон исследует русский дух, М., 1961, стр. 12—18.

¹¹⁰ E. Dobriansky. The Institutional Background of the USSR. «United States Naval Proceedings», vol. 89, N 4, p. 45.

¹¹¹ R. Charques. Op. cit., p. 253.

¹¹² «Imperial Russia after 1861. Peaceful Modernization or Revolution?» Ed. by A. Adams, Boston, 1965, p. 95.

ным уровнем, исключительно большим процентом неграмотных, не имеющих ни традиций самоуправления, ни общественной прессы»¹¹³. Мысль о культурной и политической отсталости русского народа особенно настойчиво повторялась в работах, вышедших в Англии и США в послевоенный период¹¹⁴.

Положение, по мнению буржуазных историков, усугублялось к тому же ошибками, допущенными самими либералами и «умеренными» социалистами, оказавшимися у власти, но не искушенными в технике государственного управления¹¹⁵. В сложившемся «вакууме власти» «баланс сил» оказался в пользу той политической партии, которая была готова «положиться на силу», «использовать авторитарные методы»¹¹⁶. Этой партией оказались большевики — они «в погоне за властью и в жгучем стремлении создать новые небо и землю... одни были готовы восстановить традиционные методы русского правления»¹¹⁷.

Как все же получилось, что «единодушная» революция «пошла вспять» к «авторитарным методам» в новой форме? Какое конкретно историческое объяснение предлагают своим читателям современные западные авторы? Если верить им, целый месяц после свержения монархии население России было сплочено единым порывом и ликовало по поводу вступления в эру «свободы». Все, однако, резко изменилось после того, как 3 апреля в Петроград вернулся Ленин. «Прибытие Ленина в Россию,— писал У. Чемберлин,— главная дата в развитии революции. Если бы не его энергичное экстремистское руководство, по меньшей мере было бы вероятным, что взрывчатое настроение масс испарилось бы в серии разрозненных, локальных вспышек... В бесформенной и незрелой массе, представлявшей собою русское общество в первые недели революции, слова Ленина падали подобно ударам ножа, вскрывавшего и обнажавшего классовый антагонизм и классовую ненависть. Революционный медовый месяц, когда любой оратор мог вызвать аплодисменты толпы, подходил к концу»¹¹⁸. Другой американский автор Б. Вольф высказывается еще категоричнее: «Без 3 апреля не было бы и 7 ноября»¹¹⁹.

Здесь обращает на себя внимание одно весьма примечательное явление. Даже наиболее реакционные буржуазные историки отнюдь не отрицают гениальности Ленина и значения его деятельности для судеб русской революции; напротив, они готовы всячески подчеркивать выдающиеся качества Ленина как политика и организатора. Однако нередко такого рода признания служат недобросовестным целям извращения сущности большевизма, приписывания ему волюнтаристского и чисто прагматистского характера. «Обширные сочинения и речи Ленина,— пишет американский историк К. Маккензи,— собранные теперь в новом и наиболее полном пятом издании, обнаруживают постоянный конфликт между рациональной и в высшей степени детерминистической философией Маркса и иррациональным и, в сущности, волюнтаристским фактором стремления Ленина к власти»¹²⁰. Автор рецензии на книжку Макнила «Большевистская традиция», вышедшую в США в 1963 г.,

¹¹³ M. Florinsky. The End of the Russian Empire, p. 144.

¹¹⁴ См., напр., R. Charques. Op. cit., p. 8; R. B. Lockhart. The Unanimous Revolution, p. 326.

¹¹⁵ J. Curtiss. Op. cit., p. 105.

¹¹⁶ «Imperial Russia after 1861», p. 96.

¹¹⁷ R. Charques. Op. cit., p. 242.

¹¹⁸ W. Chamberlin. The Russian Revolution, vol. 1, p. 119.

¹¹⁹ B. Wolfe. Three Who Made the Revolution, London, 1956, p. 619.

¹²⁰ «Essays in Russian and Soviet History», Ed. by J. Curtiss, N. Y., 1963, p. 149. «Шедвром» антинаучного подхода к ленинизму является вышедшая недавно книга С. Т. Россони (S. T. Rossony. Lenin, Boston, 1964), объясняющему едва ли не весь революционный процесс в России XX в., и во всяком случае Октябрь 1917 г., фрейдистскими мотивами «бунтарства» и «самоутверждения», якобы присущими Ленину.

уверяет в журнале «Russian Review», что ход событий в 1917 г. был бы иным, если бы не существовало «почти уникальной способности Ленина ставить прагматические потребности власти выше теоретических соображений доктрины»¹²¹.

В результате таких «признаний» заслуг В. И. Ленина партия подчас превращается в работах антикоммунистов чуть ли не в автоматическое орудие воли и желаний своего вождя, в его «личную» организацию. Собственно, Уолкин, например, так и пишет: «Широко распространено единодушное мнение, что большевистская партия была личной организацией Ленина и успешный захват власти, противоречащий марксистской доктрине о том, что буржуазная стадия развития должна предшествовать социалистической революции, был возможен только благодаря гению и смелости Ленина»¹²².

Особого разбора заслуживает интерпретация буржуазными авторами «Апрельских тезисов». Эти тезисы традиционно характеризуются в англо-американской буржуазной историографии как программа, неожиданная для партии и шедшая вразрез с ее прежней линией. Раньше, говорится в «популярной работе» Д. Гудспида, Ленин «соглашался с Марксом, что социализм вначале утвердится в высокоиндустриальных странах, таких, как Германия, но, безусловно, не в отсталой России, которая только что (?) вступила в капиталистическую фазу развития. Ничто из того что произошло после Февральской революции, не противоречило этому классическому анализу, но теперь, в сложный период между свержением царя и созывом Учредительного собрания, Ленин увидел возможность осуществить переход от царского феодализма к социализму одним прыжком... от имени пролетариата посредством государственного переворота»¹²³. Нетрудно видеть, что эту «интерпретацию» ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую Гудспид заимствовал из трудов таких более «солидных» исследователей большевизма и ленинизма как Л. Шапиро, А. Майер и др. «Когда он (Ленин.— Г. И.),— пишет Л. Шапиро в статье «Ленинский вклад в политику»,— прибыл в Петроград в 1917 г. после того, как монархия была свергнута в революции, в которой большевики едва ли играли какую-либо роль, он ошеломил своих последователей по партии утверждением, что Советы должны захватить власть, или, согласно марксистской терминологии, провозгласил пролетарскую социалистическую революцию, едва лишь началась буржуазная революция марта 1917 г.»¹²⁴. А. Майер утверждает, что ленинская теория перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую обнаруживает «осторожный подход к идее Троцкого о том, что две революции должны слиться, и что демократический режим не должен быть установлен», и заявляет далее, что эта теория, «основанная на слабых доказательствах, была идеологическим оправданием для захвата власти»¹²⁵. «Ленин,— пишет Д. Шуб,— откровенно призвал к гражданской войне»¹²⁶.

Более «тонкий» метод фальсификации «Апрельских тезисов», состоящий в приписывании Ленину некоей «задней мысли», избрал Р. Абрамович. Он упоминает о том, что в полемике с плехановской газетой «Един-

¹²¹ «Russian Review», 1964, January, pp. 65—66.

¹²² J. Walkin. Op. cit., p. 243.

¹²³ D. J. Goodspeed. Op. cit., p. 75.

¹²⁴ L. Schapiro. Lenin's Contribution to Politics, «Political Quarterly», 1964, vol. 35, № 1, pp. 16—17. Эту «неожиданность» «Апрельских тезисов» для партии Шапиро объясняет весьма оригинально: «Его (т. е. Ленина.— Г. И.) последователям не пришлось бы так удивляться, если бы они читали его работы более внимательно! Оказывается, большевики просто не знали в достаточной степени работ своего вождя!»

¹²⁵ A. G. Meyer. Leninism, Cambridge — Mass., 1957, p. 143.

¹²⁶ D. Shub. Lenin: A Biography, N. Y., 1962, p. 110.

ство», которая обвиняла Ленина в провоцировании гражданской войны, Ленин ссылался на отсутствие в «Тезисах» и других выступлениях самих слов «гражданская война», но тут же «разъясняет»: «Это была, конечно, ловкая отговорка. В действительности Ленин стремился именно спровоцировать гражданскую войну и установить диктатуру пролетариата, или вернее, своей собственной партии»¹²⁷.

Подобные утверждения представляют либо сознательную клевету, либо весьма и весьма грубую передержку. В «Апрельских тезисах» не шла речь ни о немедленном переходе к социализму, ни, тем более, о захвате власти Советами. «Не „введение“ социализма, как наша *непосредственная* задача,— подчеркивал В. И. Ленин,— а переход *тотчас* *лишь* к *контролю* со стороны С. Р. Д. за общественным производством и распределением продуктов»¹²⁸. Несколько позднее, в статье «Луиблановщина» Ленин писал об «осторожных, постепенных, обдуманных, но твердых и немедленных шагах к социализму»¹²⁹. Безусловным свидетельством необъективности, тенденциозности является и простое замалчивание этих ленинских положений, пусть и не сопровождающееся толкованием «Тезисов», как призыва к гражданской войне, к немедленному свержению Временного правительства. Так, в недавно вышедшей публикации документов «Русское Временное правительство» составители Керенский и Броудер поместили под номером 1039 текст «Апрельских тезисов», «отрезав» от него всю часть, следующую после 10 пункта «Тезисов». А ведь именно здесь, в этой части, Ленин дал ответ «господам из буржуазии, называющим себя социал-демократами», обвинявшим его в том, что «в среде (!) революционной демократии» им «водружено (!) знамя (!) гражданской войны». «О ней,— писал Ленин,— нет ни слова в тезисах, не было ни слова в докладе!»¹³⁰.

В еще большей степени, чем ложное истолкование тактики большевиков во время апрельского (а затем также июньского и июльского) кризиса, цели подкрепления тезиса «Февраль „против“ Октября», служит ложная интерпретация самой социалистической революции в России. Никто иной как директор Гуверовского института У. Кэмпбелл пишет в предисловии к публикации Керенского и Броудера: «Временное правительство находилось у власти лишь 8 месяцев, после чего оно было свергнуто незначительной группой большевиков, руководимых Лениным, посредством заговора и кровавого восстания!»¹³¹. Захватив власть, уверяют буржуазные историки, большевики восстановили традиционные формы управления, внутренней и внешней политики и даже идеологии, «увековечили, хотя и в трансформированном виде, тиранию царей и антигуманизм абсолютистско-бюрократического государства»¹³². «Одна из наиболее любопытных аномалий советского коммунизма,— пишет У. Чемберлин,— состоит в том, что его успех стал возможен только благодаря отказу от традиционных социалистических и коммунистических доктрин»¹³³. Зачастую поиски «параллелей» и «аналогий» между социалистическим строем и самодержавием приводят к чистейшему абсурду. Так, известный американский публицист Дж. Гантер, базируясь на багаже западной историографии, утверждает, что антибоярская политика Ивана Грозного нашла в советское время свой эквивалент в... политике

¹²⁷ R. Abramovitch. Op. cit., p. 30. Приблизительно тот же прием использовал и С. Пейдж в статье «Ленин в 1917 г., от апреля до июля» («Russian Thought and Politics», Cambridge, Mass., 1957, pp. 441—442).

¹²⁸ В. И. Ленин. ПСС, т. 31, стр. 116.

¹²⁹ Там же, стр. 130.

¹³⁰ В. И. Ленин. ПСС, т. 31, стр. 117.

¹³¹ «The Russian Provisional Government, 1917. Documents», vol. 1, p. IX.

¹³² R. Charques. Op. cit., p. 242.

¹³³ W. Chamberlin. Forty Years of Soviet Communism. «Russian Review», 1958, vol. 17, N 1, p. 3.

коллективизации и ликвидации кулачества как класса; русская деревенская община — в... современных колхозах, а буржуазно-помещичье земство — в... Советах¹³⁴.

В журнальной статье невозможно дать развернутую критику всех доводов английских и американских буржуазных авторов в пользу противопоставления «демократичности» Февральской революции «тоталитарности» Октябрьской, а на наиболее нелепых домыслах типа гантеровского и вообще вряд ли есть смысл останавливаться подробно. Нельзя, однако, не отметить, что большинство историков Запада, стоящих на указанных выше позициях, впадают (возможно, незаметно для себя) в разительное противоречие. С одной стороны, они обвиняют царизм в косности, в «глупости», в нежелании поступиться принципом «автократии»; с другой — уверяют, что этот «принцип» был близок и понятен русскому народу и «альтернативы» ему в России 1917 г. практически не было — посему большевики и пришли к власти. Но раз так, то царское правительство поступало правильно, подавляя либеральный и революционный дух в стране? Тогда почему же оно все-таки оказалось свергнутым, а большевистская партия успешно осуществила Октябрьскую революцию? Или возьмем смежный вопрос — отношение масс к буржуазии, к буржуазно-демократическим порядкам. Редкий буржуазный автор не сведет причины революционного протеста русских трудящихся начала XX в. к чисто экономическим требованиям и не увяжет эти требования с необходимостью либерализации царского режима по образцу Запада. Но вот у руля оказалось Временное правительство, занявшееся этой либерализацией, — а массы вдруг оказались не в состоянии понять его! Можно привести примеры, когда одни и те же авторы весьма радикально отходят от собственных точек зрения в изложении данных проблем. «Удобная догма, что русский народ не понимал и не нуждался в представительных институтах, не подтверждается избирательными кампаниями 1906, 1907 и 1917 гг. (в последнем случае имеются в виду выборы в Учредительное собрание. — Г. И.), в ходе которых не только горожане, но также и крестьяне проявили стремление и способность выбрать тех, кто должен был их представлять»¹³⁵, — пишет английский историк Сетон-Уотсон. Однако он же, характеризуя состояние масс в 1917 г., называет их «невежественными и легковерными», т. е. по существу вступает в альянс с теми, кого критиковал выше. Не в том ли состоит удобство «догмы», о которой говорил Сетон-Уотсон (а равно и многих других догм современной буржуазной историографии), что ею можно манипулировать в зависимости от того, какую концепцию требуется обосновать в данном конкретном случае?

Есть, конечно, тезисы, которых историки Запада придерживаются с завидным постоянством. Из относящихся к русским революциям 1917 г. это, например, тезис о том, что «либеральное» Временное правительство не желало использовать насилие для подавления «необузданных» масс и вдохновлявших их на «бунт» большевиков и тем самым совершило одну из пресловутых «роковых ошибок», обусловивших победу Октябрьской революции. Оставим в стороне вопрос о том, можно ли называть ошибками в строгом смысле слова нежелание представителей буржуазии и помещиков разрешить проблемы войны и мира, хлеба и земли. Но справедливы ли упреки Временного правительства в «слабости» и «нерешительности» в борьбе с оппозицией? Английский историк Д. Футмэн с сожалением пишет, что правительством «очень мало было сделано для того, чтобы подавить главного внутреннего врага», т. е. большевиков¹³⁶. «Умеренные лидеры, — вторит ему американский автор А. Джэйнос, — не хотели использовать полицейские методы против большеви-

¹³⁴ J. Gunther. Inside Russia Today, N. Y., 1958, p. 153.

¹³⁵ H. Seton-Watson. Op. cit., p. 371.

¹³⁶ D. Footman. Op. cit., p. 67.

ков»¹³⁷. Не хотели? В первой фазе революции попросту не могли: оружие тогда было в руках масс. Впоследствии, укрепив свое положение, — делали все, чтобы покончить с большевизмом. Наглядный пример — июльские события, когда демонстрация трудящихся была расстреляна по приказу Временного правительства, когда большевистские организации и газеты были разгромлены юнкерами и казаками. Нет, Временное правительство никак нельзя упрекнуть в «ошибке», выразившейся в «либеральном» отношении к большевикам. Против последних оно применило все, от клеветы до оружия.

С точки зрения и русских либералов, и современных буржуазных историков, «законным плодом» Февраля было буржуазное Временное правительство и та государственная система, которую оно стремилось создать и укрепить в России. Неудивительно, что свержение этого правительства рассматривается ими как «разрушение Февраля», как гибель «уникального» в истории России демократического порядка. Но, во-первых, Временное правительство отнюдь не было рождено Февральской революцией, которую совершили рабочие и солдаты Петрограда, а возникло только благодаря соглашательской политике меньшевиков и эсеров. Во-вторых, главным демократическим завоеванием Февральской революции было «второе рождение» Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. По мере развития событий Советы освобождались от засилья мелкобуржуазных партий и, большевизируясь, углубляли революцию, двигали ее вперед, к победе пролетариата и трудящегося крестьянства. «Если бы народное творчество русской революции, прошедшее через великий опыт 1905 года, — писал Ленин, — не создало Советов еще в феврале 1917 года, то ни в каком случае они не могли бы взять власть в октябре, так как успех зависел только от наличия уже готовых организационных форм движения, охватившего миллионы»¹³⁸. В этом смысле Октябрь был не «разрушителем», а наследником и продолжателем Февраля, сметены же в Октябрьской революции были власть и институты Временного правительства, которое шло робкими шагами по пути буржуазно-демократических преобразований, но не могло и не хотело осуществления полной демократии в интересах подавляющего большинства населения России — крестьян и рабочих.

Подчеркнем в заключение, что после второй мировой войны и особенно в последнее время в англо-американской историографии наметился отход от традиционных трактовок Февральской революции, основывающихся на теоретическом наследии русского контрреволюционного либерализма, меньшевиков и эсеров; известными вехами этого отхода могут служить работы Уорта и Кэртисса, а также дискуссия на страницах журнала «*Slavic Review*». В целом, однако, не только работы историков Англии и США, вышедшие в довоенные годы, но и большинство книг и статей, изданных в последнее двадцатилетие, несут на себе ощутимые следы эпигонства идей, рожденных в стане русских буржуазных и мелкобуржуазных партий и опровергнутых самой жизнью.

¹³⁷ A. Janos. The Seizure of Power, Princeton, 1964, p. 98.

¹³⁸ В. И. Ленин. ПСС, т. 36, стр. 6.

